

Научная статья

УДК 94(47).084.5

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-272-282>

РОССИЙСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ НА СТРАНИЦАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. М. ЗОЩЕНКО И М. А. БУЛГАКОВА

**Ирина Дмитриевна
Петришина**

Липецкий государственный педагогический
университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского
Липецк, Россия, petrishina62@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6281-0509>

Аннотация. В статье показаны проблемы истории повседневной жизни 1920–1930-х гг. на основе изучения литературных источников – произведений М. М. Зощенко и М. А. Булгакова, которые позволяют воссоздать мир переломной эпохи и выявить общественные ценности, как самих авторов, так и их персонажей. Провинциальный быт обычных людей и реальная московская повседневность являются тем фоном, на котором обозначены главные линии меняющейся действительности – уходящая дореволюционная эпоха и нарождающаяся новая советская эпоха – Россия нэповская и сталинская. Изучение ключевых проблем советского общества 1920–1930-х гг. в художественно-исторических образах способствует поиску жизненных ценностей современным человеком среди серой обыденности, обретению социальных ориентиров и стандартов в быстро меняющемся мире. В произведениях М. М. Зощенко и М. А. Булгакова выстроен культурный, поведенческий код советского человека, изучение которого позволяет вести поиски будущего вектора развития российского общества. Вопросы социальной истории, повседневности и быта в изображении М. М. Зощенко и М. А. Булгакова выступают в качестве предмета изучения не только истории, но и философии, культурологии, литературоведения, социальной психологии. Такой междисциплинарный подход является попыткой методологического поиска – необходимой составляющей истории повседневности. В статье показано авторское описание «лишних людей», нэпманов, интеллигенции, простых людей, их окружающей среды, менталитета и культуры. Внимание уделено изображению жилья, питания, одежды, сферы услуг, образования, воспитания, досуга, отдыха, лучших и худших человеческих качеств. Изучение произведений этих писателей в качестве исторических источников показывает, что разрушение материального положения людей в постреволюционной России приводило к архизации отношений и взглядов различных социальных групп, временная «чрезвычайщина» 1920-х гг. оказалась нормой жизни советского человека 1930-х гг., приспособленчество являло собой символ новой советской эпохи, никакие сложные жизненные обстоятельства – экономические, социальные, политические – не могут служить оправданием безнравственных поступков людей.

Ключевые слова: нэпманы, «лишние люди», интеллигенция, приспособленцы, жилищный вопрос, дефицит, «Торгсин», привилегированный класс.

Для цитирования: Петришина И. Д. Российская повседневность на страницах произведений М. М. Зощенко и М. А. Булгакова // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 272–282. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-272-282>

Сведения об авторе: И. Д. Петришина – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 398020, Россия, Липецк, ул. Ленина, д. 42.

© Петришина И. Д., 2026

Scientific Article
UDC 94(47).084.5
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-272-282>

RUSSIAN EVERYDAY LIFE ON THE PAGES OF M.M. ZOSCHENKO AND M.A. BULGAKOV WORKS

Irina D. Petrishina

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky
University, Lipetsk, Russia, petrishina62@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6281-0509>

Abstract. The article shows the problems of the everyday life history in the 1920s and 1930s based on the study of literary sources – the works by M. M. Zoshchenko and M. A. Bulgakov, which allow recreating the world of a critical period and identifying social values, both of the authors themselves and of their characters. The provincial life of ordinary people and the real Moscow everyday life are the background against which the main lines of the changing reality are marked – the passing pre-revolutionary era and the emerging new Soviet era – NEP and Stalinist Russia. Study of the key problems in Soviet society in the 1920s–1930s in artistic and historical images contributes to the search for life values by a modern person among the daily grind, obtaining of social guidelines and standards in a rapidly changing world. The works of M. M. Zoshchenko and M. A. Bulgakov construct a cultural and behavioral code of the Soviet person, the study of which makes it possible to search for the future vector of Russian society development. Issues of social history and everyday life in the image of M. M. Zoshchenko and M. A. Bulgakov act as a subject of study not only of history, but also philosophy, cultural studies, literary studies and social psychology. Such an interdisciplinary approach is an attempt at a methodological search – a necessary component of the history of everyday life. The article shows the author's description of 'superfluous people', NEPmen, intelligentsia, ordinary people, their environment, mentality and culture. The author focuses on the image of housing, meal, clothing, services, education, upbringing, leisure, recreation, and the best and worst human qualities. The works under review, as historical sources, demonstrate that the deterioration of people's material well-being in post-revolutionary Russia led to the archaization of relationships and views among various social groups. The temporary 'emergency' of the 1920s turned out to be the norm of life for a Soviet person in the 1930s, opportunism was a symbol of the new Soviet era; no difficult life circumstances – economic, social, or political – could serve as a justification for people's immoral actions.

Keywords: NEPmen, superfluous people, intelligentsia, opportunists, housing issue, deficit, hard-currency shop, privileged class.

For citation: Petrishina, ID 2026, 'Russian Everyday Life on the Pages of M. M. Zoshchenko and M. A. Bulgakov Works', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (27), pp. 272–282, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-272-282> (in Russ.)

Information about the Author: *Irina D. Petrishina* – Associate Professor, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian and World History, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, 42, st. Lenina, Lipetsk, 398020, Russia.

Введение

Представления о социалистическом обществе формировались, развивались, подвергались переоценке на протяжении всей советской и постсоветской истории. Дискуссионным остается вопрос о достижениях и провалах сталинской модернизации. В советской исторической науке проблемы обычного человека не являлись предметом изучения. Между тем именно в жизни миллионов обычных людей происходили стремительные изменения в период модернизации конца 1920–1930-х гг. В советской историографии история повседневности была представлена как «борьба за новый быт», отказ от пережитков прошлого и роли культуры в построении социализма [1, с. 53–54]. С 1990-х гг. тематика истории повседневности претерпела значительные изменения. Наряду с бытом проводились исследования жилищной проблемы, семьи, отдыха и досуга, сервиса, питания, производственной повседневности и т.д. [4; 12]. Наибольшее внимание проблеме повседневной жизни советских людей уделяли исследователи Н. Б. Лебина, Е. А. Осокина, Ш. Фицпатрик, Л. Холмс. Работа Н. Б. Лебиной «Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–30-е годы» посвящена изучению девиантного поведения, своеобразного феномена – перерождения нормы в отклонение и, напротив, патологии в норму, а также государственному нормированию повседневности через жилищный вопрос, одежду, досуг и частную жизнь [8]. Труд Ш. Фицпатрик «Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город» посвящен повседневной жизни «маленьких» людей, для которых она не была нормальной, как в их собственном понимании, так и в понимании автора; для живущих в чрезвычайное время 1930-х гг. нормальное существование становилось роскошью [13, с. 7]. Е.А. Осокина исследует потребление советских людей в условиях карточной системы, процессы деформации жизни людей, их быта, труда, психологии в условиях распределительной сталинской политики [11, с. 14], а также повседневную жизнь советских людей в годы первых пятилеток, которая показана с точки зрения симбиоза государственного снабжения и нелегального рынка товаров и услуг в плановой экономике. По мнению автора, потребительский рынок являлся сферой экономики и жизни, которая наиболее сильно пострадала в результате форсированной индустриализации и насильственной коллективизации [11, с. 7]. Работа Л. Холмса «Социальная история России: 1917 – 1941» написана в жанре очерков и посвящена государственной политике и практике в области образования, социальной мобилизации и сталинского «большого» террора [14].

Целью статьи является исследование повседневной жизни советских людей 1920–1930-х гг. на основе литературных источников – произведений М. М. Зощенко и М. А. Булгакова. Данная работа имеет междисциплинарный характер: написана на стыке истории, философии, культурологии, литературоведения, социальной психологии.

Материалы и методы

Творчество М. М. Зощенко и М. А. Булгакова, крупнейших писателей XX века, выходит далеко за пределы литературного жанра сатиры. Они продолжили классическую традицию русской прозы, изобразив в своих романах, повестях, рассказах и фельетонах 1920-х гг. «энциклопедию» русской жизни, показав не только ее экономическую, политическую, культурно-историческую, бытовую сторону, но и философию жизни советской России. Произведения М. М. Зощенко и М. А. Булгакова наделены множеством смыслов – информационных, символических, нравственных и выполняют не только эстетическую и развлекательную функции, но и познавательную. Их яркие и правдивые образы имеют сильное воздействие на читателя и исследователя, позволяют взглянуть на изучаемую эпоху как бы «изнутри», исходя из размышлений и поступков героев, показать мировоззрение обычного человека.

Такие литературные источники позволяют по-новому взглянуть на социальную картину переломной эпохи и выявить не только материальную сторону жизни, но и мировоззренческие общественные ценности, как самих авторов, так и их персонажей. Такой пласт источников по советскому периоду мало изучен по сравнению с письмами советских граждан во властные структуры, перепиской представителей большевистской элиты, дневниками и другими документами [9, с. 154]. Между тем, литературно-художественные произведения высвечивают конкретно-историческую сторону событий, позволяют избежать схематизации общественных процессов и представляют социальную фотографию эпохи. Таким образом социальная история становится важным средством выведения на новый уровень изучения сложных, в известной мере нелинейных процессов, которые происходят в обществах, переживающих переходные состояния [9, с. 154]. В работе с такими источниками важно установить тот смысл, который автор передает словами, поступками и судьбами своих героев.

Секрет успеха творчества М. М. Зощенко в том, что он имел недюжинные способности рассказывать о маленьком человеке и подмечать жизненные мелочи на общем фоне слома эпох и громадных масштабов изменения действительности. Произведения М. М. Зощенко написаны как будто для истории или для сцены. С этой точки зрения они являются уникальным источником социальной информации, высвечивающим особенности эпохи 1920-х гг. Уходящая жизнь представлена в сентиментальных повестях «Аполлон и Тамара», «Люди», «Страшная ночь», а также во многих рассказах. Само название сборника его произведений «Нервные люди» отражает потрясения социальной революции 1920-х гг., которая перешла в практическую плоскость после победы большевиков на фронтах Гражданской войны и утверждала строительство нового светлого будущего, над которым иронизировал М. М. Зощенко. В бурные послереволюционные годы большой страны М. М. Зощенко показывает «мелкие» идеи, будничные разговоры простых людей. Его герои в большинстве своем – «лишние люди», люди прошлой эпохи, не способные приспособиться к новой реальности. В отношении к ним автор требователен и ироничен. Сама реальность 1920-х гг. показана упрощенной, без сложностей и замысловатостей, где нет места таким очаровательным старорежимным тонкостям, как знанию латыни и испанского языка, игре на арфе и изучению электричества, а лучшие человеческие качества – благородство, гордость и любовь выглядят неуместно, жалко и даже смешно. В большинстве своем автор делает упор на теневые стороны жизни своих персонажей. Через галерею различных героев, которые ищут счастья, благополучия, приличной должности или просто ведут борьбу за свое право элементарно выжить, автор ставит главный вопрос «Для чего существует человек?» [6, с. 54]. Музыкант с дореволюционным стажем старается проникнуть в сущность явлений и понимает, что « всю свою жизнь он жил не так, как нужно... Но как было нужно, он и теперь не знал » [6, с. 65]. Оказалось, что дореволюционное образование было не нужным, а воспитание – глупым и бестолковым, рассчитанным на богатую, обеспеченную жизнь помещика и домовладельца. Новая жизнь представлялась смертельной борьбой за существование [6, с. 91, 100], когда, например, бывший помещик или учитель по чистописанию превратились в нищих, а дворянин – в попрошайку. Следовательно, дореволюционная эпоха, уходящая жизнь стала считаться сентиментальной и фальшивой. Помыслами и впечатлениями своих героев М. М. Зощенко передает важную философию жизни: приспособленцы – победители новой жизни. Наблюдая за революционными изменениями послереволюционной России, автор подчеркивает, что жизнь упрощалась и примитизировалась не только

с внешней стороны, но и в человеческих отношениях. Смысл же денег заключался в том, чтобы приобрести самое необходимое – кусок хлеба, дрова, боты. А интересы к цветам, занавескам и мягким креслам считались мелкобуржуазными, мещанскими и корыстными.

Разрушенное материальное положение героев после Гражданской войны обнажает социально-экономический кризис начала 1920-х гг. как итог политики «военного коммунизма». Так родственники участника Первой мировой войны, не дождавшись его возвращения, распродали его скудный гардероб – две пары малоношенных брюк, бархатную тужурку с темно-зеленым галстуком, пикейный жилет [6, с. 62].

Автор внимательно наблюдает за шагами новой экономической политики, за возвращением к здравому смыслу и восстановлением нормальной жизни при движении к социалистической цели, тонко подмечая особенности советской политической системы. Окончание Гражданской войны: в 1921 г. хлеб был тогда чрезвычайно дорог, за фунт хлеба в Питере запрашивали два полотенца, три простыни или трехрядную гармонь [6, с. 403]. 1925 г. – разгар нэпа, в апреле стояла исключительно хорошая и ясная погода, открыты магазины, театры и кино, появились извозчики и лихачи [6, с. 268–269]. 1926 г. – если бы в то скромное время жил Гоголь, то жил бы неплохо, в отдельной комнате, ходил бы в серой толстовке, кормился бы при «Гудке», однако страдал бы от серьезной критики: «... есть ли у него, у подлеца, нормальный классовый взгляд, ... и чем он занимался до 1917 года?» [6, с. 468]. 1929 г. – к закату нэпа службу найти крайне легко, ... безработных все меньше и меньше на бирже труда [6, с. 282].

Авторское внимание также уделено приметам нэпа – жизни купцов, частных предпринимателей, кооператорам, новому – старому слою людей, получивших название нэпманы. Изображая благополучную жизнь торговца-нэпмана в рассказе «Спешное дело», М. М. Зощенко видит опасность в его положении – арест агентом ГПУ, фабрикация уголовного дела, конфискация имущества и даже высшая мера наказания. Оказывается, что нэпман «ходит по краешку» и жить без имущества спокойней и благородней [6, с. 465–467].

М. М. Зощенко подробно описывает типичный быт жителей небольших российских городов, обозначая болезненный жилищный вопрос. Среди городских построек преобладает частный сектор. Жилищами людей становятся арендованные небольшие комнаты или коммунальные квартиры, состоящие из десяти комнат с более чем тридцатью жильцами. Наиболее детально показан провинциальный быт обычных, простых людей. Для автора и читателей их жизнь интересна и понятна. В рассказе «Люди» герой восторгается деревянными сенцами с многими дырками в стенах, с глиняным рукомошкой в углу на веревке и кучей мусора на полу, скрипом половиц, тонкими переборками стен, маленькими грязноватыми окнами и низким потолком [6, с. 86].

Герои М. М. Зощенко не тягостятся трагически изменяющейся повседневностью, а принимают все превратности судьбы как нечто обыденное, нормальное и вполне допустимое. Автор показал, что «маленький человек» не способен сопротивляться разрушению привычной жизни. Примиряя своих героев с житейской повседневностью, М. М. Зощенко выражал протест в форме сатиры против такой злободневной нэповской реальности и старался оградить современников от мещанства, стяжательства, подлости, эгоизма, темноты и бескультурия. В сатирических сценах автора сквозила печаль по недостигаемому идеалу.

Сюжеты произведений М. М. Зощенко показывают, что ухудшение материального положения героев приводит к падению их нравственных устоев. Так происходит изменение внутреннего мира под воздействием внешних обстоятельств. С другой стороны, в процессе приспособления к советской действительности люди отказываются бороться с окружающей средой и превращаются в саму эту среду. Таким образом, автор отрицает стремление власти подстегнуть историческое развитие, быстро сломать прошлое и построить новое общество. В его понимании захват власти – не главное, а главное в том, как будет жить общество.

Типичная картина 1920-х гг. – это небольшой деревянный дом, низенький шаткий забор, широкие кривые ворота, небольшой сарай, грабли с поломанными зубьями времен Екатерины II, колесо от телеги, камень посреди двора, крыльцо с оторванной нижней ступенькой, небольшие полутемные сенцы, бочка с водой, дощечка с ковшиком, небольшая стекляшка вместо окна, «знакомая и сладкая сердцу картина» [6, с. 115]. Возможно, М. М. Зощенко гротескно искажает провинциальную действительность 1920-х гг., изображая ее невыносимо скучной для того, чтобы подчеркнуть разительный контраст между прошлым и надвигающимся советским будущим, идеализируя «высокую культуру» дореволюционного прошлого. Он пишет: «В те годы было еще порядочное количество людей высокообразованных и интеллигентных, с тонкой душевной организацией и нежной любовью к красоте и к разным изобразительным искусствам. Надо прямо сказать, что в нашей стране всегда была исключительная интеллигентская прослойка, к которой охотно прислушивалась Европа и даже весь мир. И верно, это были очень такие тонкие ценители искусства и балета, и авторы многих замечательных произведений, и вдохновители многих отличных дел и великих учений» [6, с. 247].

Наступающая советская жизнь с ее новыми правилами проявляется в умелом включении новых понятий – мировая идея, идеология, твердая установка революции, демократическая жизнь, трудящиеся массы, хозрасчет, режим экономии, колхоз, «комиссар в советском имении». М. М. Зощенко с усмешкой предвосхищает утопические устремления к коммунизму. В его произведениях новая социальная реальность показана художественно тонко и иронично. Наступала эпоха маленького человека, лишнего человека на фоне грандиозных общественных потрясений и изменений.

Вслед за романом М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», читатели переносятся в Москву конца 1920–1930-х гг. Несмотря на то, что автор представляет картину московской жизни в качестве фона, где происходят события, связанные с действиями главных героев, эта картина в деталях отражает реальную социально-культурную среду той эпохи – свертывание нэпа и наступающую эпоху первых пятилеток. Удивительно, но в фантастическом романе автор показал реальную повседневность советского города на сломе эпох. Мастер и Маргарита – самый читаемый русский роман XX века.

М. А. Булгаков как мастер бытовых сцен и деталей, фрагментарными зарисовками создал целостную картину московского быта, культурную среду и ценностные установки различных представителей московского общества той эпохи. Зачастую основным пейзажем романа становятся пустынные улицы, переулки, аллеи, дворики Москвы. Такими художественными приемами автор идеализирует душевный покой и гармонию, необходимые не только единственным положительным героям – Мастеру и Маргарите, но и обобщенному образу булгаковского города в целом.

Фантастический сюжет романа удивительным образом перекликается с реальной московской повседневностью. Однако, время от времени бытовая нелепость

символически подчеркивает мистику, черную магию и царство зла. Так, в «унылом, гадком и скупо освещенном» переулке недалеко от Остоженки есть дом 13 и квартира 47, где «в громадной, до крайности, запущенной передней, слабо освещенной малюсенькой угольной лампочкой под высоким, черным от грязи потолком, на стене висел велосипед без шин, стоял громадный ларь, обитый железом, а на полке над вешалкой лежала зимняя шапка (в час жаркого весеннего заката), и длинные ее уши свешивались вниз» [2, с. 64].

Политические штрихи изображаемой эпохи пронизывают канву романа: чрезмерная подозрительность, шпиономания, опасность отправиться на Соловки, прослыть кулаком, «маскирующимся под пролетария» или быть «в свое время» обязательно арестованным [2, с. 24, 26, 81, 297]. Через обыденное и житейское автор осторожно рисует элементы наступавшей «чрезвычайщины». В отношении религии один из героев замечает, что «в нашей стране атеизм никого не удивляет, ... большинство нашего населения сознательно и давно перестало верить сказкам о Боге» [2, с. 23]. М. А. Булгаков изображает внешне вполне благополучную московскую интеллигенцию – литераторов, писателей, редакторов, артистов, администраторов. Однако все они, кроме Мастера и Маргариты, являются отрицательными персонажами, поскольку погрязли в человеческих пороках: зависти, взяточничестве, стяжательстве, привилегиях. А квартирный вопрос настолько испортил «обыкновенных людей», которые бывали и милосердны, что заявления с претензиями на наследство освободившейся квартиры в доме на Садовой улице за два часа составили тридцать две штуки [2, с. 68]! Яркие булгаковские высказывания – «квартирный вопрос» испортил людей, «а за квартиру Пушкин платить будет?», «умеешь ты жить!», «домработницы все знают, это ошибка думать, что они слепые» – стали широко известны и понятны. Понимание того, как нужно «уметь жить» М. А. Булгаков относит к московской творческой интеллигенции – это райская дача в литераторском поселке, обеды в лучшем ресторане Москвы с высоким качеством «провизии» и не обременительной ценой, творческий отпуск от двух недель до одного года в Ялту или Ленинград. Зависть, тщеславие и погоня за личным благополучием принижают официальную литературную богему. Автор раскрывает мировоззрение литературных героев через сложные обстоятельства социальной истории большого города, посредством нового советского быта. В привилегиях (или подкупе), предоставленных властью творческой интеллигенции, заключается механизм контроля за этой дореволюционной, идеологически опасной для власти группы людей. Жилье, потребительские товары и досуг – вот те важнейшие стороны жизни [15, р. 3], посредством которых был установлен социальный контроль за московской интеллигенцией.

Напротив, главный герой романа Мастер, выиграв большую денежную сумму, купил книги, бросил службу в музее и стал сочинять роман. Это был его «золотой век» не только потому, что смог, наконец, заняться любимым делом, но и встретил «восхитительную» Маргариту. М. А. Булгаков изображает глубокие, искренние чувства героев не только через их эмоциональные переживания, но и через картинное описание окружающей их обстановки, в которой царил счастье: совершенно отдельная квартирка с передней и раковиной с водой, две малюсенькие комнатки, вечно пылающий огонь в печке, книги, книги от пола до потолка, два дивана и между ними столик с прекрасной ночной лампой, маленькие оконца над самым тротуарчиком, в четырех шагах – сирень, липа и клен, необыкновенно пахнущая сирень [2, с. 153–154, 157].

Поскольку Маргарита была женой очень крупного специалиста, сделавшего важнейшее открытие государственного значения, то обстановка ее дома соответствовала уровню советских номенклатурных работников, которые жили в прекрасных особняках в садах недалеко от Арбата. Они не знали ужасов проживания в совместных квартирах, где в массовом масштабе формировалась коммунальная культура поведения. Их дома также отличались от благополучных домов московской интеллигенции. Они не нуждались в деньгах и могли купить себе все, что нравилось. Индивидуальная квартира на рубеже 1920–1930-х гг. в СССР была важнейшим достижением человека и свидетельствовала о высоком социальном статусе личности и принадлежности к партийно-государственной номенклатуре. Между тем, в Москве в 1930 г. средняя норма жилплощади составляла 5,5 кв. м на человека, а в 1940 г. понизилась почти до 4 кв. м. [13, с. 58].

1930-е гг. были для советского народа десятилетием огромных трудностей и потрясений, что широко освещено в исторической литературе [5, 7, 10, 13, 16]. Даже сильнее, чем основных продуктов питания, не хватало одежды, обуви и различных потребительских товаров – часто они были совершенно недоступны. Такое положение вещей отражало как приоритеты государственного производства, строго ориентированного на тяжелую промышленность, так и губительные последствия уничтожения ремесел и кустарной промышленности в начале десятилетия [13, с. 52, 56].

В связи с этим важным источником по социальной истории того периода является описание специального магазина, принадлежавшего Всесоюзному объединению по торговле с иностранцами («Торгсин») первой половины 1930-х гг. Магазины «Торгсина» пользовались особой славой и являлись островками изобилия [10, с. 160, 165] не только для голодных людей, но и для тех, кто получал продовольственные и промышленные товары по карточкам. «Торгсин» получал от государства в свои магазины отличные экспортные товары: продовольствие и предметы широкого потребления [5, с. 53] и символизировал высокие стандарты обеспеченности. Роскошная обстановка такого магазина ярко изображена автором как бы в противовес рас пространенному в то время скудному ассортименту товаров, низкому уровню торгового обслуживания в советских магазинах, на рынках, толкучках или продаж с крестьянских подвод и возов. Сверкающие зеркальные двери «Торгсина» на Смоленском рынке со швейцаром у входа как бы приглашали покупателей приобретать товары только за валюту. В прекрасном магазине было сотни штук ситца богатейших расцветок, миткаля, шифона и сукна, штабеля коробок с обувью; в рыбном отделе симпатичный иностранец покупал розовую лососину, стояли бочки с отборной керченской сельдью, в кондитерском отделе продавались мандарины, плитки шоколада, миндальные пирожные, стояли корзины с фруктами с красивыми бумажными лентами. В таком прелестном магазине можно было примерить на коврик прекрасную обувь под пение и игру патефона. Однако от такой великолепной, сверкающей обстановки веяло завистливой неприязнью к иностранцам, «набитых валютой» [2, с. 368–371]. М. А. Булгаков иронизирует над публикой, которая, согласно правилам хорошего тона, не могла показывать негативное отношение к обеспеченным покупателям магазина, что считалось бестактным и политически вредным.

В социально-политической пьесе М. А. Булгакова «Зойкина квартира», написанной в 1926 г., сюжет разворачивается на фоне нескольких главных линий. Начало пьесы открывает сюжет, связанный с так называемым «уплотнением» жилья главной героини. М. А. Булгаков показывает процесс утверждения новых норм жизни в первой половине 1920-х гг., – это контроль домовых комитетов за жильцами, когда председатель этой жилищной организации заключает: «В домком все как

на ладони. Домком – око недреманное. Мы одним глазом спим, а другим видим. На то и поставлены» [3, с. 336].

Домовые комитеты выявляли пустующие комнаты у жильцов «громадного» многоквартирного дома, чтобы проводить уплотнение, т.е. подселение в эти комнаты нуждающихся. Так, события в Зойкиной квартире разворачиваются на фоне жилищного кризиса в Москве, когда происходило наступление на те «излишки» жилплощади, которые сохранились к середине 1920-х гг. Оказалось, что сохранить свою квартиру в бурные революционные годы считалось большим достижением [3, с. 348]. Если в годы Гражданской войны, когда горсоветы впервые начали «уплотнять» квартиры, они выставляли как один из мотивов стремление уравнивать уровень жизни рабочих и буржуазии, то в дальнейшем «уплотнение» происходило из-за роста населения и государственных приоритетов в области промышленного строительства в ущерб жилищному [13, с. 54, 60]. Представляется, что в плане социальной инженерии властям приходилось делать выбор либо в пользу идеологических штампов, либо решать ситуативные проблемы. С другой стороны, вмешательство государства в быт граждан сокращало не только личное пространство простого советского человека, но и частные свободы, что являлось долговременной тенденцией развития советского общества.

В пьесе словами героев автор обозначает рост и всемогущество бюрократической системы: если человек с портфелем, то он занимает высокое общественное положение, это лицо должностное, а, значит, оно – всевластное и неприкосновенное [3, с. 337]. Новая власть и новые условия жизни порождали способы приспособления к нэповской действительности, и в свою очередь, формировали и определяли эту действительность. Один из героев «Зойкиной квартиры», не сделав никакой карьеры, решает стать партийцем [3, с. 346]. Так М. А. Булгаков обличает механизм партийного строительства 1920-х гг., когда рост партийных рядов означал приток в ВКП (б) приспособленцев и карьеристов, что приводило к периодическим чисткам партии в 1920-х гг. Принадлежность к партии ВКП (б) – это примета времени московской жизни. С другой стороны, уравнительное распределение, бедность и отсутствие возможности получить достаточно оплачиваемую работу ассоциируются с социализмом [3, с. 352]. В процессе иерархизации советского общества происходило формирование нового привилегированного класса – номенклатурных работников, ведущих специалистов, интеллигенции и бюрократии – связующего звена между властью и обществом и главной управленческой опоры советской системы.

Заключение

Произведения М. М. Зощенко и М. А. Булгакова вызывают потребность философски осмыслить действительность и поступки человека, предлагают интересную тему исследования – советский человек. С целью нравственного воздействия на читателя авторы требовательны и бескомпромиссны: никакие сложные жизненные обстоятельства – экономические, социальные, политические – не могут служить оправданием безнравственных поступков. Образы их героев предопределяют быстрое созидание нового социалистического мира с мобилизационным поведением и сознанием.

Список источников и литературы

1. Ажигулова А. И. Историография советской повседневности 1920–1930-х гг. // Домашняя повседневность населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В. А. Веремченко. СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина: Медиапапир, 2022. Т. 1. С. 53–56.

2. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. М.: Азбука-Классика, 2001. 416 с.
3. Булгаков М. А. Пьесы. М.: Сов. писатель, 1986. 656 с.
4. Журавлев С. В., Соколов А. К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история: ежегодник, 1997. М.: РОССПЭН, 1998. С. 287–332.
5. Зима В. Ф. Голод 1932–1933 гг. в письмах трудящихся России // Отечественная история. 2006. № 2. С. 47–55.
6. Зоценко М. Нервные люди: Избранное. СПб.: Азбука-Классика, 2003. 896 с.
7. Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 360 с.
8. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–30-е годы. СПб.: Журнал «Нева», 1999. 316 с.
9. Надеждина В. А. Нэповская Россия в зеркале социальной истории // Отечественная история. 2007. № 4. С. 149–157.
10. Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 271 с.
11. Осокина Е. А. Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1928–1935 гг. М.: Изд-во МГОУ, 1993. 146 с.
12. Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом ВШЭ, 2010. 317 с.
13. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / [пер. с англ. Л. Ю. Пантина]. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.
14. Холмс Л. Социальная история России: 1917–1941: пер. с англ. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1994. 144 с.
15. Fitzpatrick Sh. «Middle Class Values» and Soviet Life in the 1930's // Soviet Society and Culture: Essays in Honor of Vera S. Dunham / ed. T. L. Thompson. New York: Routledge, 1988. P. 20–38. Electronic version. URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9780429307157-3/middle-class-values-soviet-life-1930s-sheila-fitzpatrick> (accessed: 20.03.2025).
16. Shimotomai N. Moscow Under Stalinist Rule, 1931–34. New York: St. Martin's Press, 1991. 177 p.

References

1. Azhigulova, AI 2022, 'Istoriografiya sovetskoy povsednevnosti 1920–1930-kh gg.' (Historiography of Soviet Everyday Life in the 1920s–1930s), *Domashnyaya povsednevnost naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost: materialy mezhdunar. nauch. konf.* (Everyday Life at Home of the Population of Russia. History and Modernity. Proc. of the International Scientific Conf.), ed. V. A. Veremenko, vol. 1, Mediapapir publ, St. Petersburg, pp. 53–56. (In Russ.)
2. Bulgakov, MA 2001, *Master i Margarita* (The Master and Margarita), Azbuka-Klassika publ, Moscow. (In Russ.)
3. Bulgakov, MA 1986, *Pyesy* (Plays), Sovetskiy pisatel publ, Moscow. (In Russ.)
4. Zhuravlev, SV & Sokolov, AK 1998, 'Povsednevnyaya zhizn sovetskikh lyudey v 1920-e gody' (Everyday life of Soviet people in the 1920s), *Sotsialnaya istoriya*, ROSSPEN publ, Moscow, pp. 287–332. (In Russ.)
5. Zima, VF 2006, 'Golod 1932–1933 gg. v pismakh trudyashchikhsya Rossii' (Famine of 1932–1933 in the Letters of the Working People of Russia), *Otechestvennaya istoriya* (Studies in Russian, Soviet and Post-Soviet history), no 2, pp. 47–55. (In Russ.)
6. Zoshchenko, M 2003, *Nervnyye lyudi: Izbrannoye* (Nervous People. Selected writings), Azbuka-Klassika publ, St. Petersburg. (In Russ.)
7. Krinko, EF, Tazhidinova, IG & Khlynina, TP 2011, *Povsednevnyy mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-h gg.: zhizn v usloviyakh sotsialnykh transformatsiy* (Everyday world of the Soviet person of the 1920s–1940s: life in the conditions of social transformations), Izd-vo YUNTS RAN publ, Rostov-on-Don. (In Russ.)

8. Leбина, NB 1999, *Povsednevnyaya zhizn sovetskogo goroda: normy i anomalii, 1920 – 30-ye gody* (Everyday life of the Soviet city: norms and anomalies. 1920–30s), Zhurnal “Neva” publ, St. Petersburg. (In Russ.)
9. Nadezhdina, VA 2007, ‘Nepovskaya Rossiya v zerkale sotsialnoy istorii’(NEP Russia in the Mirror of Social History), *Otechestvennaya istoriya* (Studies in Russian, Soviet and Post-Soviet history), no. 4, pp. 149–157. (In Russ.)
10. Osokina, EA 1998, *Za fasadom «stalinskogo izobilija»: Raspredeleniye i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii, 1927–1941 gg.* (Behind the Facade of ‘Stalin's Abundance’: Distribution and Market in the Supply of the Population during the Years of Industrialization. 1927–1941), ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
11. Osokina, EA 1993, *Iyerarkhiya potrebleniya: O zhizni lyudey v usloviyakh stalinskogo snabzheniya, 1928–1935 gg.* (The Hierarchy of Consumption: On People's Lives under Stalin's Supply System, 1928–1935), Izd-vo MGOU publ, Moscow. (In Russ.)
12. Orlov, IB 2010, *Sovetskaya povsednevnost: istoricheskiy i sotsiologicheskiy aspekty stanovleniya* (Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation), Izd. dom VSHE publ, Moscow. (In Russ.)
13. Fitzpatrick, Sh 2008, *Povsednevnyy stalinizm. Sotsialnaya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: gorod* (Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russian in 1930s), trans. L.Yu. Pantina, ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
14. Holmes, L 1994, *Sotsialnaya istoriya Rossii: 1917–1941* (The Social History of Russia: 1917–1941), Izd-vo Rostovskogo universiteta publ, Rostov-on-Don. (In Russ.)
15. Fitzpatrick, Sh 1988, ‘Middle Class Values’ and Soviet Life in the 1930’s’, *Soviet Society and Culture: Essays in Honor of Vera S. Dunham*, ed. T. L. Thompson, Routledge publ, New York, pp. 20–38, viewed 20 March 2025, <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9780429307157-3/middle-class-values-soviet-life-1930s-sheila-fitzpatrick>.
16. Shimotomai, N 1991, *Moscow Under Stalinist Rule, 1931–34*, St. Martin's Press publ, New York.

Статья поступила в редакцию: 27.04.2026
Одобрена после рецензирования: 02.06.2026
Принята к публикации: 21.09.2026

The article was submitted: 27.04.2026
Approved after reviewing: 02.06.2026
Accepted for publication: 21.09.2026